

УДК 347.9

Осокин Александр Владиславович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Юридический факультет
Россия, Москва
osokin2001@yandex.ru
Osokin Alexander
Moscow State University
Faculty of Law
Russia, Moscow

ЗАЩИТА ПРАВА АДВОКАТА НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ПО АДВОКАТСКОМУ ЗАПРОСУ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: в рамках данной статьи автор рассматривает основные проблемы, возникающие в ходе адвокатской деятельности по собиранию необходимой информации. Автором рассматривается природа права адвоката на информацию, способы защиты данного права в административном и процессуальном порядке, особенности доказывания по делам об оспаривании отказа в удовлетворении адвокатского запроса. Автор делает вывод о том, что для эффективной защиты данного права необходимо диверсифицировать субъектов, неправомерно отказавших в предоставлении запрашиваемой информации. Помимо этого обозначаются основные лакуны законодательного регулирования права адвоката на информацию.

Ключевые слова: право адвоката на информацию, адвокатский запрос, субъективное частное право, обжалование отказа в удовлетворении адвокатского запроса, гражданское процессуальное право, административное процессуальное право, производство по делам об административных правонарушениях.

PROTECTION OF ATTORNEY'S RIGHT TO INFORMATION VIA INQUIRY: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation: in frames of this article the author considers key problems arising during attorney's activity in collecting evidences. Legal nature of attorney's right to information, ways of its protection of administrative and procedural orders, burden of proof peculiarities in cases concerning review of attorney's inquiry denial are discussed by the author. The author concludes that subjects obliged by attorney's inquiry should be differentiated in order to provide effective protection of right to information. Moreover, gaps of legislation regulating attorney's right to information.

Key words: attorney's right to information, attorney's inquiry, subjective private right, review of attorney's inquiry denial, civil procedure, administrative procedure, administrative offences procedure.

Постановка проблемы. Право адвоката на сбор необходимой информации, выраженное в форме адвокатского запроса (далее – право адвоката на информацию), в условиях постоянно усложняющихся общественных и правовых отношений является *de lege ferenda* одним из наиболее эффективных и значимых прав, гарантируемых адвокатским статусом. Его наличие у адвоката, являющегося представителем профессионального сообщества, обусловлено значимостью реализуемых функций по защите интересов своего доверителя, в том числе и посредством сбора информации, необходимой для доказывания обстоятельств дела в рамках судопроизводства и (или) административных процедур. Данная позиция отражается в трудах российского правоведа, Е.В. Васьковского: «Когда тяжущимся оказывается помощь специалистами-адвокатами, то задача суда облегчается, ибо адвокаты подвергают бытовой материал процесса предварительной юридической обработке и представляют его суду уже в готовом виде» [1, с. 399]. В юридической литературе также отмечается, что «так как доказательства суть средства к судебному охранению или осуществлению гражданских прав, то следует, что сами тяжущиеся стороны, в

том числе и через адвокатов, должны заботиться о представлении доказательств в свою пользу, если того хотят» [2, с. 283]. Следовательно, сбор и представление необходимых доказательств является основной задачей как тяжущегося, так и его представителя, выступающего «заместителем доверителя в судопроизводстве, чтобы избавить его от личного ходатайства по делу, явок в суд и от остальных действий, чрезвычайно затруднительных для занятого человека» [3, с. 143], которая направлена на получение от правосудия желаемого стороной результата, в том числе и посредством получения информации в форме специальной процедуры адвокатского запроса. Более того, при анализе права адвоката на информацию необходимо его рассмотрение как с точки зрения цивилистики (субъективное частное право), так и с точки зрения науки гражданского процесса (процессуальное право), о чем писала Е.А. Флейшиц: «Рассматриваемые положения субъективных частных прав должны рассматриваться неразрывно как в гражданском, так и в гражданском процессуальном праве» [4, с. 181]. Следовательно, право адвоката на информацию должно быть рассмотрено как с теоретической (доктринальные суждения), так и с практической точки зрения (особенности его регулирования в действующем российском законодательстве).

В рамках процессуального представительства и в условиях правового сопровождения деятельности доверителя адвокат обязан «добросовестно исполнять свои обязанности, а также активно защищать интересы доверителей всеми законными способами» [5]. Среди предусмотренных законом способов защиты интересов доверителя отдельного внимания заслуживает адвокатский запрос, предполагающий, с одной стороны, возможность получения адвокатом информации, необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи, а с другой стороны, подразумевающий обязанность лица, к которому он направлен, предоставить запрашиваемую информацию. Пределы предоставления информации по адвокатскому запросу обозначены в п. 4 ст. 6.1 ФЗ от 31.05.2002 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (далее – Закон об адвокатуре) [6], однако, презюмируется, что предоставление необходимой

информации по адвокатскому запросу обязательно для всех субъектов, получивших такой адвокатский запрос [7, 8, 9]. Таким образом, адвокатский запрос как способ получения данных, необходимых и достаточных для доказывания обстоятельств дела, должен быть действенной правовой конструкцией, что, однако, не всегда происходит на практике.

В данном случае необходимо рассмотреть вопрос эффективности адвокатского запроса как способа оперативного получения информации для успешного участия в судопроизводстве. Опрос Федеральной палаты адвокатов РФ [10] (далее – ФПА РФ) о проблемах с адвокатскими запросами свидетельствует, что практически треть адвокатских запросов остались без ответов, а около четверти ответов, предоставленных на адвокатский запрос, были в дальнейшем обжалованы. Данные, хоть они и являются далеко нерепрезентативными в связи с малым количеством респондентов (анкеты всего лишь от 735 адвокатских образований), доказывают наличие, во-первых, проблем реализации права адвоката на сбор информации посредством адвокатского запроса, а во-вторых, свидетельствуют о необходимости рассмотрения способов защиты права на сбор информации.

Приступая к рассмотрению возможности защиты нарушенного права, необходимо рассмотреть правовую природу права адвоката на сбор или получение информации в рамках оказания юридической помощи своему доверителю в системе правоотношений. Право адвоката на информацию является частным случаем конституционного права гражданина на информацию, закрепленного в ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, которое «можно рассматривать как действительно новое право в системе прав и свобод, выступающее, скорее, в качестве нового социально-экономического права, нежели личного или политического» [11, с. 8-9]. Несмотря на то, что субъект реализации такого права наделяется им лишь в силу получения особого статуса, выход из которого автоматически лишает субъект данного права, оно носит характер частного, а не публичного субъективного права в связи с тем, что его осуществление не обусловлено внешним принуждением или

обязыванием, а основано лишь на выражении свободной воли управомоченного субъекта.

Право адвоката на информацию по своей сути необходимо рассматривать как субъективное частное право и в дальнейшем применять к нему частноправовые категории, касающиеся способов защиты такого права; рассматриваемые позиции теоретиков будут являться основой для его квалификации в качестве субъективного частного права. Всякое субъективное право предполагает под собой наличие у управомоченного лица объективной и волевой возможности использовать свое правомочия для воздействия на обязанное лицо и, следовательно, инициации определенных правовых последствий. В частности, профессор С.Н. Братусь указывал, что субъективное право «дозволено активному субъекту как определенная законом мера поведения» [12, 32-33], подтверждая, с одной стороны, тезис о том, что под субъективным правом понимается возможность актора реализовывать данное правомочие. Однако другой стороной субъективного права является его направленность на обязанное лицо, которому в силу наличия у управомоченного лица определенного законом правомочия выполнять его требования. Без этого, как указывал профессор Н.Г. Александров, невозможно существование субъективного частного права, так как «конкретные волевые акты тех или иных лиц сами по себе нельзя отождествлять с правоотношением, которое предусматривает наличие аппарата, способного принуждать к соблюдению норм» [13, с. 21]. Следовательно, субъективное частное право подразумевает одновременное наличие как возможности, так и обязанности участников правоотношений на совершение тех или иных юридических действий, не ограниченных волей третьих лиц.

При экстраполяции теоретической модели субъективного частного права на право адвоката на информацию необходимо указать на особенность данного права, которое существует только при его санкционировании государством. Адвокат обладает данным право только в силу своего статуса, установленного государством, что исключает абсолютный характер распоряжения правом

адвоката на информацию как классического субъективного частного права, например, права требования в сфере имущественных отношений. Однако во всех иных отношениях право адвоката на информацию обладает характеристиками субъективного частного права: уполномочивает субъекта на реализацию данного права (п. 1 ст. 6.1 Закона об адвокатуре) и устанавливает обязанность иных лиц предоставить запрашиваемую адвокатом информацию (п. 2 ст. 6.1 Закона об адвокатуре) [6]. Данное право с учетом своих особенностей входит в модель субъективного частного права, которая рассматривается как «правовая возможность исключительного характера, то есть ситуации, при которой никто иной, кроме уполномоченного лица, не претендует на обладание этим субъективным правом. При этом управомоченное лицо посредством использования своего права «оказывает влияние на положение иных неуправомоченных лиц» [14, с. 251].

Следовательно, рассмотрев природу права адвоката на информацию как частного права, необходимо очертить круг вопросов, которые будут касаться способов его защиты в случае нарушения, которые, как было рассмотрено выше, являются весьма частыми в силу правовой культуры, экономического положения, а также иных особенностей граждан России и их объединений. В рамках рассмотрения вопроса об особенностях обжалования отказа в предоставлении информации по адвокатскому запросу, как способа защиты данного права, необходимо детальное рассмотрение:

1. Способов защиты права адвоката на информацию посредством адвокатского запроса, обратив при этом внимание на:

а. Порядок привлечения к ответственности субъекта, обязанного предоставить ответ на адвокатский запрос, но неправомерно отказавшегося совершить данное действие, а также проблемы, возникающие в связи с привлечением такого лица к ответственности;

б. Процессуальный аспект обжалования отказа в удовлетворении адвокатского запроса в связи с тем, что в правоприменительной практике существует дуализм способов защиты права адвоката на информацию. Данный

дуализм состоит в том, что принуждение субъекта, обязанного предоставить информацию, возможно как в порядке гражданского, так и административного судопроизводства, что приводит правоприменителя к определенным коллизиям, вызванным правовыми лакунами российского процессуального законодательства.

2. Особенности доказывания обстоятельств, свидетельствующих о неправомерности отказа обязанного лица в предоставлении сведений по адвокатскому вопросу, в том числе проблем квалификации такого поведения в качестве нарушающего Закон об адвокатуре.

Способы защиты нарушенного права адвоката на информацию.

Понимание способа защиты права, или права на защиту, в юридической литературе разнится от одного автора к другому, вследствие чего нет никакой возможности установить точное значение понятия способ защиты нарушенного права, или права на защиту. Классики отмечали, что в доктрине не содержится точного ответа на вопрос о том, что такое способы защиты права, или право на защиту, в связи с многообразием позиций теоретиков, каждый из которых рассматривает проблему с учетом особенностей области своего знания [15, с. 104-105; 16, с. 9]. По нашему мнению, способ защиты права и право на защиту – понятия тождественные, взаимозаменяемые, употребление которых допустимо как в материально-правовых, так и в процессуальных отношениях без возможной дифференциации: несмотря на наличие неограниченного законом количества способов защиты гражданских прав, защита прав в судебном порядке является наиболее действенной и эффективной.

Закон об адвокатуре предусматривает в качестве способов защиты права адвоката на информацию лишь возможность привлечения лица, неправомерно отказавшегося предоставлять информацию по адвокатскому запросу, к ответственности, установленной Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КРФоАП) [17], что, однако, не исключает иные способы защиты нарушенного права. В частности, исходя из частной субъективной природы права адвоката на информацию, возможно

обращение в государственный суд с просьбой о принудительном исполнении субъектом обязанности, установленной в п. 2 ст. 6.1 Закона об адвокатуре, чего Законом об адвокатуре напрямую не предусмотрено [6]. В этой связи необходимо отдельное рассмотрение административного способа защиты права адвоката на информацию и судебного способа защиты нарушенного права.

В своем труде «Осуществление и защита гражданских прав» профессор В.П. Грибанов вводит классификацию способов защиты права по материально-правовому содержанию, выделяя «самозащиту гражданских прав, которая представляет собой меры фактического характера, заключающиеся в возможности субъекта права самостоятельно использовать установленные законом средства принудительного воздействия на правонарушителя; меры оперативного воздействия, носящие юридический характер и направленные на изменение прав и обязанностей субъектов данных гражданских правоотношений; правоохранительные меры государственно-принудительного характера, под которыми понимается обращение субъекта к компетентным судебным или правоохранительным органам с требованием о понуждении обязанного лиц к определенному поведению» [18, с. 105-107]. Авторская концепция, несмотря на изменения общественных отношений, все еще актуальна и применима к современным правоотношениям в сфере реализации права на защиту субъективного права.

В рамках такой защиты существует возможность, с одной стороны, принуждения обязанного лица к исполнению его объективной обязанности посредством судебной процедуры, которая в российском законодательстве имеет свои особенности. С другой стороны, заинтересованное лицо посредством использования административного (государственного) ресурса в лице правоохранительных органов, способных привлечь лицо, неправомерно уклоняющееся или не исполняющее свою обязанность, к юридической ответственности, может защитить свое субъективное право преимущественно в публично-правовой сфере, но и с потенциальной возможностью принуждения

лица к исполнению своей обязанности, что входит в предмет административного способа защиты права адвоката на информацию.

Административный способ защиты. В соответствии со ст. 5.39 КРФоАП административной ответственности за отказ в предоставлении информации, в том числе и адвокату в связи с поступлением адвокатского запроса, подлежат должностные лица, отказавшиеся исполнить установленную законом обязанность [17]. Данная статья в ее действующей редакции обладает рядом недостатков, которые нивелируют такую конструкцию как право адвоката на информацию. В частности, субъектом административной ответственности за отказ в предоставлении информации по адвокатскому запросу является лишь должностное лицо, в то время как физические и юридические лица, с которыми адвокату приходится преимущественно взаимодействовать, административной ответственности не подлежат. По нашему мнению, административная ответственность, предусмотренная 5.39 КРФоАП, в действительности не может обеспечить эффективность использования такой правовой конструкции как право адвоката на получение информации в связи с неполным субъектным составом, ответственным за непредоставление сведений по адвокатскому запросу. Путем системного толкования положений Закона об адвокатуре (п. 1, п. 2 ст. 6.1) и КРФоАП (ст. 5.39) укажем, что обязанность негосударственных органов по предоставлению информации, содержащейся в адвокатском запросе, носит лишь рекомендательный характер, так как ответственность за неисполнение данной обязанности для физических и юридических лица не установлена. Данное положение подрывает значение и эффективность адвокатского запроса как способа получения адвокатом информации для оказания юридической помощи доверителю.

Иным недостатком действующей модели административной ответственности за непредоставление информации по адвокатскому запросу является отсутствие ее диверсификации. КРФоАП отождествляет ответственность за непредоставление информации гражданину и адвокату, что

de lege ferenda является недопустимым в связи с различной степенью важности защиты того или иного права: ординарное право гражданина на доступ к информации при всей его важности в демократическом обществе нельзя отождествлять с правом адвоката, осуществляющего особую социальную функцию по защите прав доверителя, на доступ к информации. На это указывает и профессиональное сообщество, отмечая, что «по многим позициям разницы между тем, как получает информацию рядовой гражданин и адвокат, нет никакой»[18].

Несмотря на наличие объективных упущений законодателя в сфере привлечения к административной ответственности за непредоставление адвокату информации по его запросу, проект КРФоАП [24] учел многие положения практики, накопившиеся почти за 20 лет действия старого КРФоАП. В частности, законодателем были учтены положения, касающиеся диверсификации ответственности за непредоставление информации и гражданину: по смыслу ст. 6.10 Проекта КРФоАП нарушение права адвоката на информацию будет рассматриваться в качестве специального состава, касающегося воспрепятствованию деятельности адвоката. Данный состав не будет связан с административной ответственностью за непредоставление информации гражданину, что в рамках законодательного регулирования и иерархии ценностей повышает статус адвокатуры как института гражданского общества, защищающего права и свободы граждан в рамках оказания юридической помощи [24].

Несомненным достоинством ст. 6.10 проекта КРФоАП является расширение круга субъектов, которые могут быть привлечены к административной ответственности за воспрепятствования адвокатской деятельности: в него включены физические лица, что означает обеспечение обязательности исполнения нормы как для государственных органов, так и для граждан и юридических лиц. Несмотря на то, что юридические лица не поименованы в качестве отдельного субъекта административной ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности, именно

физические лица, в том числе сотрудники и (или) работники той или иной организации, будут ответственны за неправомерный отказ в предоставлении сведений, содержащихся в адвокатском запросе.

Приступая к рассмотрению административного способа защиты права адвоката на информацию *de lege lata*, необходимо учитывать теоретические особенности административного порядка как способа защиты права. В теории гражданского права административный способ защиты права преимущественно рассматривается как «досудебная процедура разрешения спора, несоблюдение которой блокирует для пострадавшего возможность обратиться в суд, либо в качестве альтернативы обращению в суд» [19, с. 894]. Производство по делам об административных правонарушениях следует рассматривать в качестве «способа гражданско-правовой защиты права, приводящему к публично-правовой каре правонарушителя» [20, с. 45]. Однако действующее законодательство РФ об административных правонарушениях допускает возможность как привлечения субъекта к публично-правовой (административной) ответственности, так и принудительного исполнения обязанности по предоставлению информации посредством использования административных ресурсов органов государственной власти (прокуратуры).

В соответствии с ч. 1 ст. 28.4 КРФоАП дело об административном правонарушении в связи с отказом предоставления информации адвокату возбуждает прокурор, то есть специально уполномоченное лицо. В данном порядке прокурор, руководствуясь законодательством и собственным убеждением в наличии или отсутствии состава административного правонарушения, выносить постановление о возбуждении производства об административном правонарушении. Очевидно, что в данном случае адвокат как управомоченный субъект делегирует защиту своих прав в публичном порядке органу по надзору за соблюдением законности, который в дальнейшем определяет необходимость возбуждения производства по делу об административном правонарушении, а также обращения от имени заявителя в порядке гражданского и административного производства для понуждения

субъектов, обязанных предоставлять информацию по адвокатскому запросу, к исполнению их обязанности (ст. 45 ГПК РФ; ст. 39 КАС РФ; ст. 1, ст. 24 Закона о прокуратуре) [21; 22; 23]. Данное обстоятельство поднимает вопрос об эффективности использования правоохранительных мер в форме обращения в прокуратуру как способа защиты права адвоката на информацию.

Общим замечанием к эффективности функционирования органов прокуратуры в рамках осуществления ее полномочий [23] является отсутствие для граждан и организация гарантий эффективности обращения в органы прокуратуры для защиты своего права в связи с тем, что полномочия прокурорских работников по большей части являются дискреционными. Дискреция полномочий должностных лиц, в том числе и прокурорских работников, проявляется в том, что они напрямую зависят от усмотрения конкретного должностного лица, не подчиняются или подчиняются в малой степени установленным процедурам взаимодействия должностного лица с гражданами и их объединениями. Данное обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, о неэффективности такого способа защиты права в связи с отсутствием действующих гарантий рассмотрения обращения и добросовестной работы должностного лица [25, с. 372], а, с другой стороны, свидетельствует о повышенном риске возникновения коррупциогенной ситуации в связи с наличием лагун в законодательном регулировании, устранение которых допускается путем расширения сферы усмотрения конкретного должностного лица [26, с. 2]. Несмотря на то, что действия должностного лица предполагаются добросовестными и конституционными, а, следовательно, законными [27, с. 16], существует *de lege lata* возможность злоупотребления должностным лицом, в частности прокурором. Именно поэтому В.Б. Ястребов, заслуженный юрист России, почетный прокурорский работник, отмечает, что «административно-управленческая деятельность играет незаменимую роль в обеспечении согласованного функционирования механизма органов государственной власти, в укреплении дисциплины в обществе, однако именно

в данной области наблюдается наибольший объем нерешенных проблем» [28, с. 401].

Данное положение доказывается очевидными эмпирическими данными, которые касаются количества дел об административных правонарушениях по ст. 5.39 КРФоАП : в 2019 году лишь 439 правонарушителей-должностных лиц было привлечено к административной ответственности, в том числе и за непредоставление информации по адвокатскому запросу [29]. Данное положение, по нашему мнению, доказывает, что привлечение лиц к административной ответственности посредством обращения в прокуратуру является неэффективным, так как деятельность адвоката по сбору необходимой для оказания юридической помощи информации затрагивает значительно больше субъектов, которые фактически ответственность за свои правонарушения не несут. Более того, формулировки процессуальных кодексов в сфере участия прокурора в судопроизводстве от лица заявителя порочны: они допускают в значительной степени дискрецию прокурорского работника, за которым закрепляется право, а не обязанность обращение в суд с заявлением о понуждении обязанного субъекта к предоставлению информации по адвокатскому запросу (ст. 45 ГПК РФ; ст. 39 КАС РФ) [21; 22].

Именно поэтому процедура защиты права адвоката посредством административного способа характеризуется значительной долей правовой неопределенности, так как гарантии должного производства отсутствуют. Более того, значительная часть процессуальных особенностей как привлечения лица к административной ответственности, так и его понуждения к исполнению обязанностей зависят исключительно от усмотрения конкретного прокурора, на чьи решения повлиять весьма трудно. Действующее законодательство об административных правонарушениях также содержит большое количество недочетов, которые, как было отмечено выше, в значительной мере учтены и исправлены в Проекте КРФоАП.

Однако необходимо отметить, что Проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [30]

предусматривает достаточные гарантии законности проведения процедуры привлечения лиц к административной ответственности, что обусловлено «реформированием процедуры привлечения к административной ответственности, а также укреплением судебного контроля за действиями органов административной юрисдикции» [31]. Однако реальный эффект Проекта Процессуального Кодекса РФ об административных правонарушениях будет замечен только в рамках осуществления практической деятельности органов юстиции по привлечению правонарушителей к ответственности.

Судебный (процессуальный) способ защиты. Защита права адвоката на информацию в судебном порядке, несмотря на отсутствие в ст. 6 Закона об адвокатуре ссылки на данную возможность, является одной из наиболее действенных в связи с наличием у истца значительного количества гарантий, которые отсутствуют у заявителя в рамках административной защиты права. Ученые-процессуалисты сходятся во мнении, что именно судебный порядок защиты нарушенного права является наиболее эффективным, так как он «обеспечивает надежные гарантии правильного применения закона, установления реально действующих прав и обязанностей сторон» [32, с. 19], «защита нарушенных прав судом в рамках гражданского процесса наиболее эффективна и цивилизованна» [33, с. 6]. Очевидно, что и защита права адвоката на информацию не является исключением из данного правила, которое в последние годы, однако, вызывает затруднения как у заявителя, так и у правоприменителя в процессе защиты данного права. Более того, в российском правопорядке исковая форма защиты права, заключающаяся в понуждении субъекта к исполнению его обязанности предоставить информацию, является единственной возможностью адвоката наиболее эффективно и законно обеспечить реализацию его права на информацию.

Проблемой обжалования отказа в удовлетворении адвокатского запроса о предоставлении информации является предметная компетенция, или подведомственность, данного спора, то есть разграничение между судебными органами судебной системы РФ категорий рассматриваемых дел. В важности

данного обстоятельства заявителю, а особенно адвокату, сомневаться не приходится: исковое заявление, поданное в нарушение компетенции определенного судебного органа, по смыслу всех процессуальных кодексов (ст. 135 ГПК РФ, ст. 128 КАС РФ), подлежит возвращению истцу в качестве меры процессуальной ответственности за неправильную материальную квалификацию категории данного дела [34, с. 154]. Следовательно, особое внимание при обжаловании неправомерного отказа в предоставлении адвокату информации следует обращать на материальную природу данного спора, в частности на статус субъекта, обязанного предоставлять запрашиваемую информацию.

В течение 13 лет после принятия ГПК РФ проблем, связанных с процессуальной квалификацией дела, не возникало в связи с тем, что ГПК РФ был своего рода универсальным процессуальным кодексом, в порядке которого рассматривались все дела, не связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности (глава 4 АПК РФ) и не возникающие из административных и иных публичных правоотношений в сфере осуществления предпринимательской деятельности (см. раздел III АПК РФ) [35]. В порядке, предусмотренном ГПК РФ, рассматривались и споры, связанные с защитой адвокатом нарушенного права на информацию вне зависимости от того, кем являлся субъект, обязанный предоставить информацию: физическим / юридическим лицом или же государственным органом в лице его должностных лиц. Понуждение к исполнению обязанности, закрепленной ст. 6.1 Закона об адвокатуре, осуществлялось в общем порядке, без дифференциации гражданских и административных дел в связи с тем, что дела, возникающие из публичных правоотношений (подраздел III ГПК РФ) [36], рассматривались в порядке, предусмотренном ГПК РФ. Но все изменилось с принятием КАС РФ, который, по замыслу законодателя, должен был уравнивать отношения фактически неравных сторон – гражданина и государства, где «отсутствует равенство субъектов как таковое, в связи с чем

требуются иные методологии и процессуальный закон по разрешению подобного рода споров» [37, с. 1].

Данная законодательная новелла может рассматриваться с совершенно разных позиций. Профессор Е.А. Борисова оценивала введение КАС РФ, выводящий дела с публичным элементом из сферы гражданского процесса, как «ошибочное представление о том, что положения ГПК РФ не отвечают процедуре рассмотрения дел в споре гражданина с органами власти. Реализация в будущем идеи административных судов (в системе судов общей юрисдикции) закономерно предполагает наличие единого по природе и принципам процессуального алгоритма рассмотрения и разрешения дел в рамках ГПК» [38, с. 17]. Иную позицию занимает профессор Л.В. Головкин, сторонник французской модели юстиции, считающий, что «автономная административная юстиция, построенная вокруг автономии административного судьи и четком отделении административного права от права гражданского и уголовного (как на материально-правовом, так и на процессуальном уровнях) служит надежной защитой против злоупотреблений» [39, с. 40-41]. Доктринальные споры о правовой природе того или иного спора, несомненно, важны для построения эффективно работающей системы юстиции, однако, необходимо оценивать то, как данные процедуры работают на практике.

С принятием КАС РФ среди судейского корпуса в течение долгого времени существовало недопонимание природы правовых институтов, присутствовавших в новом процессуальном кодексе. Особенности обжалования отказа в удовлетворении адвокатского запроса не стали исключением: судьи вплоть до 2017 года не могли должным образом квалифицировать правовую природу споров, связанных с обжалованием отказа в удовлетворении адвокатского запроса со стороны государственных органов как частного случая производства об оспаривании решений, действий (бездействий) органов государственной власти и должностных лиц (глава 22 КАС РФ). Ярким примером данного обстоятельства является решение по делу адвоката Шпалова, который обратился в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой на решения

нижестоящих судов, отказавшихся рассматривать административное исковое заявление о признании незаконным бездействия ФГБУ, выразившегося в невыдаче ответа на адвокатский запрос [40].

Суды нижестоящих инстанций отказывали адвокату в удовлетворении его исковых требований в связи с необходимостью рассмотрения данного спора в порядке гражданского процессуального судопроизводства, а также на основании невозможности судебного обжалования разъяснения порядка предоставления запрашиваемых сведений, то есть краевой суд рассматривал отказ в предоставлении запрашиваемых сведений в качестве переписки, которая не влечет для заявителя правовых последствий, следовательно, не затрагивает его права, свободы и законные интересы. Данные обстоятельства являются ошибочными в связи со следующими обстоятельствами: при рассмотрении дела, связанного с обжалованием отказа в предоставлении информации по адвокатскому запросу, суду надлежит выделить специфические особенности административного дела, важнейшим из которых является субъектный состав данного правоотношения.

Прежде всего, для целей определения компетенции суда необходимо определение лица, обязанного предоставлять информацию по адвокатскому запросу и неправоммерно отказавшегося предоставлять такие сведения. В случае если таким субъектом является государство, должностное лицо или иная организация, наделенная публичными функциями, то дело должно рассматриваться в рамках административного судопроизводства по правилам КАС РФ, что подчеркивал ВС РФ при рассмотрении вышеупомянутого дела: «Невыдача ответа на адвокатский запрос вытекает из публичных правоотношений и не носит гражданско-правового характера, защищаемого в исковом производстве. Законодательством не предусмотрено иного вида судопроизводства для оспаривания отказа в предоставлении информации по адвокатскому запросу со стороны государственного органа» [40]. Очевидно, что данное положение относится лишь к случаям, когда обязанным субъектом является государственный орган, а не физическое или юридическое лицо,

принуждение которых к исполнению обязанности по предоставлению информации по адвокатскому запросу возможно лишь в порядке, предусмотренным ГПК РФ. Данный порядок обусловлен фактическим равенством адвоката при реализации права на информацию в рамках взаимодействия с физическими и юридическими лицами, но не с государственными органами.

Следовательно, адвокату, обжалующему отказ в предоставлении информации по адвокатскому запросу, следует определять порядок обжалования такого рода отказа посредством квалификации субъектного состава правоотношения, вследствие которого возникает определенный дуализм способов защиты права. В случае если стороной является государственная организация, должностное лицо или организация, наделенная публичными функциями, то при обжаловании отказа применяются правила КАС РФ, во всех иных случаях дело подлежит рассмотрению в порядке, предусмотренном ГПК РФ.

Данное обстоятельство, как было указано выше, связано с тем, что правоотношения, где государства и гражданина по своей природе не могут быть равными: несмотря на формальное равенство, государство современного типа имеет значительные рычаги и механизмы давления на отдельного индивида, что нивелирует формальное равенство правоотношений. Административное судопроизводство призвано посредством использования конструкции активной роли суда в рамках разрешения спора между индивидом и государством уравнивать фактическое неравенство с целью установления материальной, а не формальной истины, что также подчеркивается практикой КС РФ [41].

Предмет доказывания по делам о защите права адвоката на информацию. При всей важности процедурных особенностей определения предметной компетенции суда в процессе подачи административного искового заявления для эффективной защиты права в ходе судопроизводства адвокату как заявителю необходимо доказать обстоятельства, на которые он ссылается в

рамках своей позиции. В доктрине гражданского процесса теоретики рассматривают доказывание как ключевой аспект гражданского судопроизводства. Профессор А.Г. Гойхбарг отмечал, что «при гражданском процессе спор идет о правах и обязанностях сторон. Наличие этих прав и обязанностей вытекает из фактов и обстоятельств, на которые спорящие стороны ссылаются и которые заранее не являются достоверными и общеизвестными» [42, с. 78]. И.Е. Энгельман, дореволюционный правовед, замечал, что «суду представляются те доказательства, посредством которых должны быть определяемы наличие или неналичность сих обстоятельств для разрешения споров» [43, с. 270-271]. Профессор А.Т. Боннер указывает, что «представление, собирание, исследование и оценка доказательств должна в результате сформировать верное знание суда о фрагментах действительности, имеющих юридическое значение по обстоятельствам конкретного дела» [44, с. 11]. Таким образом, все классики согласны в том, что доказывание по гражданскому делу является ключевым элементом, ведущим к процессуальной победе в рамках конкретного спора.

Обжалование отказа в предоставлении информации по адвокатскому запросу не является исключением: в рамках доказыванию по этому делу необходимо убедить суд в том, что отказ в предоставлении информации был неправомерным, то есть не соответствующим положениям п. 4 ст. 6.1 Закона об адвокатуре. Для целей доказывания неправомерности отказа необходимо рассмотрение условий, при которых отказ в предоставлении адвокату запрашиваемых сведений является законным. Закон об адвокатуре устанавливает правомерную возможность отказа от исполнения обязанности по предоставлению адвокату информации в случае, если: обязанный субъект не обладает такой информацией; нарушены требования к форме адвокатского запроса; запрошенные сведения отнесены к информации с ограниченным доступом [6].

Первое и второе основания, затрагивающие лишь формальные, процедурные аспекты направления и ответа на адвокатский запрос,

особенности оформления которых определяется регуляторным законодательством [45]. Доводы обязанных субъектов, неправомерно отказавших в предоставлении такой информации, являются несостоятельными в силу того, что абстрактный, безосновательный отказ в удовлетворении адвокатского запроса незаконен [8]. Следовательно, случаи отказа в предоставлении сведений по адвокатскому запросу в связи с отсутствием информации или несоблюдения направления адвокатского запроса особых сложностей при квалификации в рамках судопроизводства не вызывают: их доказывание связано лишь с предоставлением необходимых документов, на которых сторона основывает свои доводы, содержащие конкретные сведения о необходимых фактах.

Иная ситуация возникает в рамках доказывания того, является ли запрашиваемая информация конфиденциальной, что вызывает необходимость обращения к материальному праву, определяющему особенности предоставления такого рода информации. Сама конфиденциальность отдельных категорий информации для целей оказания юридической помощи доверителю является большой проблемой для адвокатов, которые не могут получить необходимые для хода дела сведения, но наличие которых может иметь решающее значение для убеждения суда в тех или иных обстоятельствах. Профессиональное сообщество сходится в том, что формулировка, закрепляющая право правомерного отказа от предоставления конфиденциальной информации, тормозит адвокатскую деятельность, по следующим причинам.

Прежде всего, возможностью отказаться от предоставления конфиденциальной информации злоупотребляют государственные органы, стремящиеся отказать адвокату в предоставлении информации, что, в частности, связано с отказами в предоставлении сведений о доходах, о расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных служащих и членов их семьи, которые, с одной стороны, подлежат официальному опубликованию в сети «Интернет» [46], а с другой

стороны, эти данные, в соответствии с ч. 3 ст. 8 ФЗ «О противодействии коррупции», являются информацией ограниченного доступа [47]. Такого рода правовые коллизии в сфере законодательства значительно затрудняют адвокатскую деятельность в рамках оказания юридической помощи по отдельным категориям дел.

Необходимо учитывать, что правовые позиции КС РФ также не благоприятствуют эффективному осуществлению адвокатской деятельности. В рамках обжалования отказа в удовлетворении адвокатского запроса адвокат Мокшин обратился в КС РФ с жалобой на пп. 3 п. 4 ст. 6.1 Закона об адвокатуре в связи с тем, что Законом предусмотрена возможность отказа в предоставлении информации с ограниченным доступом, являющейся весьма широкой категорией, в связи с поступлением к субъекту адвокатского запроса [48]. По его мнению, нарушены статьи Конституции, гарантирующие право человека на судебную защиту, квалифицированную юридическую помощь и свободу информации. Однако КС РФ в рассмотрении жалобы адвоката отказал, формально указав на то, что информация является доступной, в том числе и для адвокатов, в той мере, в какой свободный правовой статус предусмотрен законодателем. В ином случае законодатель, ограничивая свободный доступ к информации, исходил из необходимости и соразмерности особой защиты такого рода информации, вследствие чего границы адвокатского запроса расширены не были.

Адвокатское сообщество активно выступает за расширение круга информации, доступной адвокату по адвокатскому запросу. Отдельные адвокаты заявляют, что пп. 3 п. 4 ст. 6.1 «необходимо изложить в редакции, которая ограничивает доступ адвоката только к государственной тайне, а не иной информации с ограниченным доступом» [18]. В таком случае адвокату бы не пришлось затрачивать дополнительные силы и средства на доказывание в рамках производства по делу в связи с возможностью получения тех или иных данных, необходимых как для доказывания неправомерности отказа в

предоставлении информации, так и для оказания юридической помощи доверителю в целом.

Таким образом, деятельность адвоката в рамках защиты своего права на информацию состоит в доказывании обстоятельств, свидетельствующих о том, что обязанный субъект неправомерно отказал в предоставлении запрошенной информации. Однако на практике доказывание такого рода обстоятельств приводит к целому ряду проблем, связанных с тем, что преимущественно государственные органы под любым предлогом отказываются от предоставления информации. Более того, высшие судебные инстанции также не проявляют должной степени осмотрительности в сфере реализации права адвоката на информацию, что фактически нивелирует значение данной конструкции как инструмента оказания юридической помощи.

Заключение. Рассмотрев особенности защиты права адвоката на информацию необходимо сделать следующие выводы:

1. Право адвоката на информацию является краеугольным в рамках оказания профессиональной юридической помощи: оно обеспечивает эффективность адвокатской помощи в ходе судопроизводства, а также правового консультирования. По своему характеру оно является субъективным частным правом в связи с тем, что принадлежит конкретному индивиду с определенным статусом, который вправе реализовывать данное право по своему усмотрению и своей воле: в рамках законодательства не установлено обязанности адвоката на использование адвокатского запроса, который по своему назначению является вспомогательной категорией, удобным инструментом для оказания юридической помощи адвокатом.

2. С учетом природы права адвоката на информацию к его защите применяются преимущественно частные методы, в частности обжалование в порядке, предусмотренном ГПК и КАС РФ, последний из которых, несмотря на свое публичное назначение в зарубежных правовых порядках, относится более к цивилистическому процессу в силу своего обособления от гражданского процессуального права. В рамках защиты права адвоката на информацию

необходимо особое внимание относить к тому, кем является субъект, обязанный предоставить запрашиваемую информацию, по своему правовому статусу – частным лицом (физическое лицо или организация) или государственным органом, органом местного самоуправления, должностным лицом или организацией, наделенной отдельными публичными полномочиями. Данное обстоятельство будет иметь исключительное значение в ходе защиты права адвоката на информацию в рамках принуждения обязанного субъекта к выполнению обязанности, предусмотренной п. 2 ст. 6.1 Закона об адвокатуре.

Помимо частных способов защиты права существует также публичный способ защиты права, который состоит в обращении в правоохранительный орган (прокуратуру), которому делегируется обязанность по осуществлению защиты данного права. На практике, однако, защита права адвоката на информацию посредством обращения в прокуратуру не является в достаточной степени эффективной, так как отсутствуют гарантии защиты данного права в связи с наличием широкого спектра прокурорской дискреции в сфере производства по делам об административных правонарушениях и участия в судопроизводстве.

Однако тенденции реформируемого законодательства об административных правонарушениях свидетельствуют, что законодатель идет по пути диверсификации правонарушений, препятствующих осуществлению адвокатской деятельности и рассматриваемый в Проекте КРФоАП как отдельный состав правонарушения, в котором расширен круг субъектов административной ответственности, в том числе и за нарушение права адвоката на информацию.

3. Особое внимание в рамках осуществления права адвоката на защиту заслуживают особенности доказывания обстоятельств правомерности или неправомерности отказа в удовлетворении адвокатского запроса. Важность данного инструмента говорит сама за себя: адвокату, как профессиональному участнику судопроизводства или юридического консультирования, жизненно необходимо получать информацию определенного рода в максимально удобной

для него форме – посредством адвокатского запроса. Именно эта конструкция является одним из ключевых преимуществ адвокатского статуса.

Действующее законодательство в сфере адвокатуры, регулирующее, в частности, особенности применения адвокатского запроса как способа реализации права адвоката на информацию, нуждается в серьезном реформировании, которое должно затронуть расширение доступа адвоката ко всей информации с ограниченным пользованием, за исключением, естественно, сведений, отнесенных к государственной тайне. Следовательно, право адвоката на информацию должно совершенствоваться в пользу расширения возможностей данной правовой конструкции.

Список литературы:

1. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с. (Классика гражданского процесса).

2. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Том первый / Сочинение Кронида Малышева, доцента С. – Петербургского университета. – Второе, исправленное и дополненное издание. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1876. – 444 с.

3. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры: Ч. 2: Исследование принципов организации адвокатуры. – С.-Пб.: Н.К. Мартынов, 1893. – 621 с.

4. Флейшиц Е. А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву в 2-х томах. Т. 2. – М.: Статут, 2015. – 720 с.

5. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утвержденными седьмым Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2015 г.) [Электронный документ] // URL: <https://fparf.ru/documents/fparf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/>.

6. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ (последняя редакция) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

7. Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/28993/>.

8. Кассационное определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2019 г. N 127-КА19-7 [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1848528.

9. Кассационное определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 15 января 2020 г. N 31-КА19-4 [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1858730.

10. Завершился опрос о проблемах с адвокатскими запросами [Электронный ресурс] // URL: <https://fparf.ru/news/fpa/zavershilsya-opros-o-problemakh-s-advokatskimi-zaprosami/>.

11. Шевердяев С.Н. Право на информацию: к вопросу о конституционно-правовой сущности // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2001, № 10. – С. 91-100.

12. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Ученые труды: Понятие, виды, государственные юридические лица. Вып. 12 / М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 364 с.

13. Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение / Доц. Н.Г. Александров // Научная сессия: Тезисы докладов / Московский государственный юридический институт. – М., 1946. – С. 19 – 21.

14. Третьяков С. В. Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7, № 3. – С. 242-260.

15. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав; Науч. ред.: Ем В.С.; Редакционная коллегия: Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А. – М.: Статут, 2000. – 411 с.

16. Суханов Е. А., Ем В. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. – 2019. – № 4. – с. 7-21.
17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
18. Проблему эффективности адвокатского запроса нужно решать на законодательном уровне [Электронный ресурс] // URL: <https://fparf.ru/news/fpa/problemu-effektivnosti-advokatskogo-zaprosa-nuzhno-reshat-na-zakonodatelnom-urovne/>.
19. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1469 с.
20. Кузнецова О.А. Административный порядок защиты гражданских прав // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 42–58.
21. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
22. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
23. Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (последняя редакция) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 20.02.1992 г. № 8. Ст. 336.
24. Проект Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // URL: <https://regulation.gov.ru/p/102447>.
25. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / отв. редактор и руководитель авторского коллектива доктор юридических наук, профессор Авакьян С.А. – М.: Юстицинформ, 2016. – 512 с.

26. Капицын В.М. Государственная дискреция как проблема конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – М.: Юрист, 2006, № 3. – С. 2-7.

27. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Б.С. Эбзеева по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Тамбовской области от 10.12.1997 г. // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации № 1 – М.: Спарк, 1998.

28. Ястребов В.Б. Прокурорский надзор: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – 432 с.

29. Судебная статистика РФ по административных правонарушениям за 2019 год. Агентство правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/65>.

30. Проект Федерального закона «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // URL: <https://regulation.gov.ru/p/102945>.

31. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Министерством юстиции 30.01.2020) [Электронный документ] // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102945>.

32. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. – 832 с.

33. Жуйков В.М. Права человека и власть закона. Вопросы судебной защиты. 2-е изд., доп. и испр. – М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1995 – 284 с.

34. Борисова Е. А. Подведомственность гражданского дела: передать нельзя рассматривать // Закон. – 2020. – № 5. – С. 152–161.

35. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

36. Кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в редакции от 11.01.2015 г.) «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

37. Пояснительная записка к проекту Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 25.03.2013 г. [Электронный документ] // URL: https://rg.ru/pril/article/78/40/32/proekt-pervoe_chtenie.pdf.

38. Борисова Е. А. Некоторые теоретико-практические проблемы реформы в области судебной защиты гражданских прав // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2009. – Т. 11, № 1. С. 3-18.

39. Головкин Л. В. Производство по делам об административных правонарушениях и административная юстиция: различия в процессуальной природе // Зангер – Вестник права Республики Казахстан. 2010. № 5. С. 38-42.

40. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.12.2017 г. № 56-КГ17-27 [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1607562.

41. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. N 725-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Копейкина Владимира Юрьевича и Копейкиной Найли Гумяровны на нарушение их конституционных прав рядом норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision270942.pdf>.

42. Гойхбарг А.Г. Курс гражданского процесса: Научно-политической секцией Государственного ученого совета допущено в качестве учебного пособия для ВУЗов / Проф. А.Г. Гойхбарг. – М.; Л.: Государственное издательство, 1928. – 320 с.

43. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства / 3-е изд., испр. и доп. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. – 646 с.

44. Боннер А.Т. Избранные труды. В 7 томах. Том 5. Проблемы теории судебных доказательств. М.: Проспект. 2017. – 910 с.

45. Приказ Министерства юстиции РФ от 14.12.2016 г. № 288 (с изменениями от 24.05.2017 г.) «Об утверждении требований к порядку оформления и направления адвокатского запроса» (Зарегистрировано в

Минюсте РФ 22.12.2016 г., регистрационный № 44887) [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612230054>.

46. Указ Президента Российской Федерации от 08.07.2013 № 613 (в редакции от 15.07.2015 г.) «Вопросы противодействия коррупции» [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201307080004>.

47. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (Часть 1). Ст. 6228.

48. Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 244-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошкина Михаила Игоревича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положением пункта 1 части 2 статьи 227 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision264261.pdf>.

